

ИМПЕРИЯ ДРАМЫ

Г А З Е Т А   А Л Е К С А Н Д Р И Н С К О Г О   Т Е А Т Р А

НОВОСТИ

УМЕРЛА
МАРГАРИТА
ЭСКИНА

БДТ ИМЕНИ ТОВСТОНОГОВА
празднует своё 90-летие

В ПАРИЖСКОМ ТЕАТРЕ «ОДЕОН»
состоялась премьера
спектакля «Атлас-
ный башмачок»
по пьесе П. Клоделя
в постановке
Оливье Пи

В АЛЕКСАНДРИНСКОМ ТЕАТРЕ
прошла презентация сборника «Семь
финских пьес»

УМЕР
СЕРГЕЙ
ЦОДИКОВ

В МОСКОВСКОЙ
«Студии театраль-
ного искусства»
состоялась премьера
спектакля по рас-
сказу А. Платонова
«Река Потудань»
в постановке Сергея Женовача

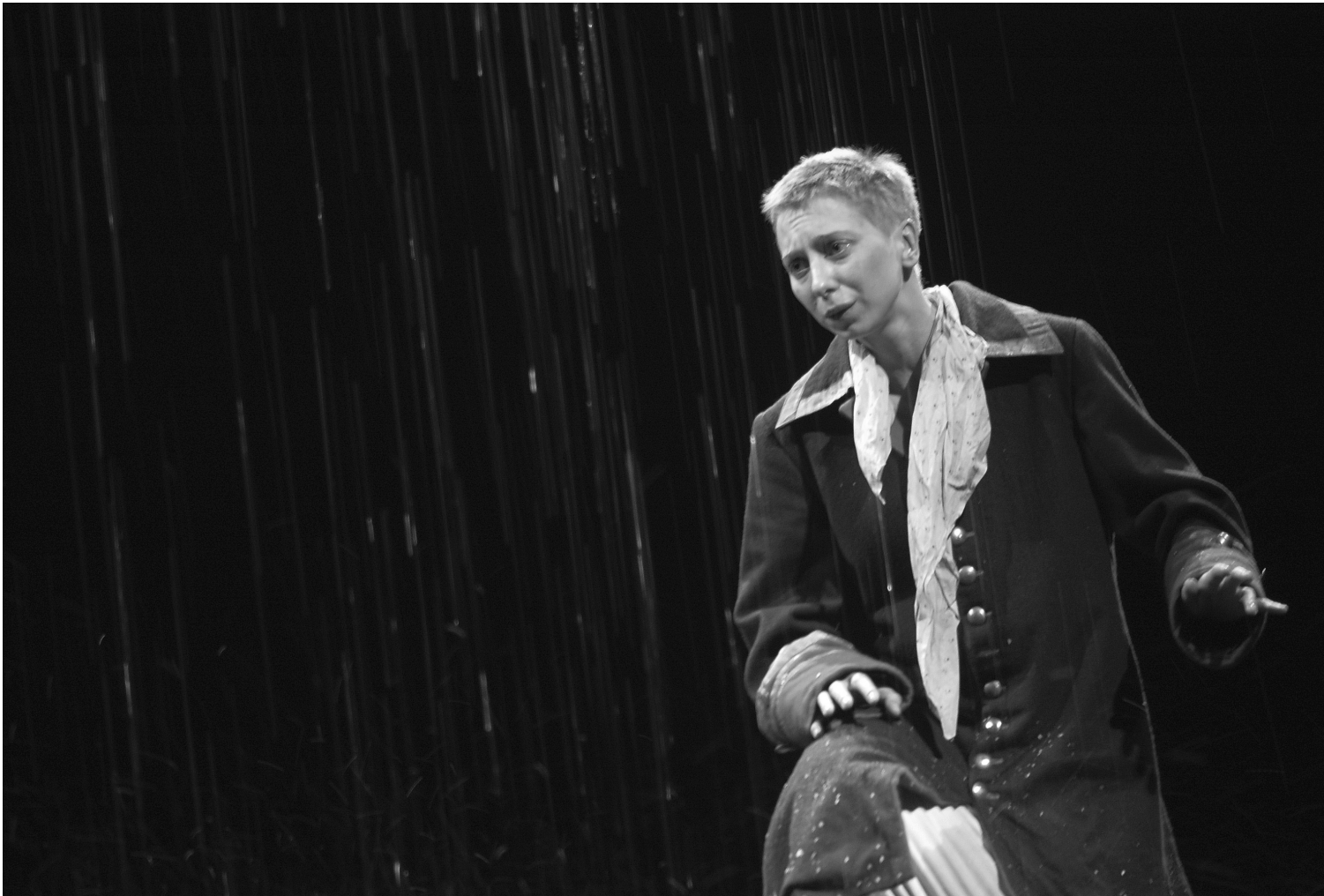

НА СЦЕНЕ РИМСКОГО
«Театро Индиа» был пред-
ставлен проект Театро
Стабиле делл'Умбрия
«Не быть. Портреты
Гамлета». Автор и режис-
сёр — Антонио Лателла

В ЛОНДОНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ
театре состоялась премьера
спектакля «Утомлённые
солнцем» по сценарию
Н. Михалкова и Р. Ибрагим-
бекова. Режиссёр Хауард
Дэвис. В роли комдива Кото-
ва — Киаран Хиндс

В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ
«Мастерская Петра Фоменко»
прошла премьера спектакля «Улисс»
по роману Дж. Джойса. Режиссёр
Евгений Каменькович

Янина Лакоба (Ксения). Фото В. Сенцова

ПРЕМЬЕРА

ЗАСТУПНИЦА УСЕРДНАЯ В. Леванов. «Ксения. История любви» Александринский театр. Режиссёр Валерий Фокин

В Лондоне шекспировского времени трубач на крыше театра, созывавший публику, заглушал звон колоколов в церкви. Пуритане роптали: театр уводит прихожан из храма. Пути театра и церкви после средневекового единения надолго и далеко разошлись. Похоже, эти пути сходятся у нас. Это новое отечественное единение (оно наблюдается не только в новом спектакле Александринского театра, но и во вполне, на первый взгляд, традиционных постановках) для меня трудно объяснимо. Разве что разочарование в нравственном состоянии общества заставляет искать опору в нетленных ценностях веры. Или желание убедить в чём-то зрителей, в чём-то истинном и потерянном. Или стремление по-своему подтвердить забытое «театр — храм». Постановка «Ксении» пришлась на время полного согласия власти и церкви. Актуальность бесспорная и позитивная, особенно после почти столетия унижения церкви. Сегодня нестабильность, сомнения в завтрашнем дне, пугающие прогнозы могут быть сняты подобным сеансом театротерапии. Не развлечением, а наставлением. Театр, по крайней мере, часть его, готов принять на себя дополнительную задачу «пастырского служения». Потому что в церковь ходят по-прежнему мало и верят мало.

Что же касается Валерия Фокина и места этого спектакля в его творчестве, то режиссёр, который мог ставить и «Татьяну Репину», и «Ещё Ван Гога», не нуждается в каких-то оправданиях своего выбора, как и в логике его. Если мотивы повинности и дани городу, в котором он ставит спектакли, им и руководили, то эта дань отдана с чувством собственного достоинства. К тому же один из его последних театральных героев на петербургской сцене — Фёдор Протасов — прямым ходом попадает в компанию горемык из «Ксении». Он там свой: среди тех, кто опустился, искалечен, выброшен ходом вещей на улицу и доживает у входа в рюмочные, в подземных переходах на картонных «кроватках», или складывается пополам в газетных стойках; кто посиживает, замерзая и отмерзая, на широких ступенях спусков к Неве. Компания из калек (не нынешних — мнимых) и Андрея Фёдоровича — светлый и весёлый лубок. Слепой (Степан Девонин) и Инвалид (Игорь Волков) — оптимисты, остроумцы и честные несчастные. Этим театральным скетчем «Ксения» сразу располагает к себе.

Ещё один, следующий после «Ревизора», «Женитьбы», «Шинели», «Живого трупа» петербургский пейзаж Фокиным «нарисован». Он состоит из набережной и православной стены

плача. Негромкие колокольные голоса на звоннице, серые кирпичные своды стены и есть сценическое изображение (в соавторстве с Александром Боровским) места Ксении, развёрнутая в пространстве освящённого ею города часовенка на Смоленском кладбище. То есть в каком-то смысле это город не Петра, не Ленина, а Ксении. Смысл раскрывается в кратком, полуторачасовом спектакле-посвящении: духовное обновление, если оно нужно, — личная цель, а не массовый праздник.

Продолжение на стр. 2

1

2

И здесь моё восприятие раздваивается, поскольку многие вышеуказанные приводящие обстоятельства говорят за то, что это не совсем спектакль. С другой же стороны, и не совсем молитвенные картинки жития. Если житие, то уж какая тут оценка. Если спектакль, то ему положен и разбор, и критика, и впечатления. Словом, так далеко в обитель театра враждебная некогда ей обитель не проникала. В эстетическом лоне они ищут примирения и находят его (или делают вид), подобно тому, как церковь и государство находят его на всенародном духовном поприще. Церковь, правда, отодвигается в сторону — и не только сатирической сценкой с попом. Ксении посредники не нужны.

Только врождённый (или, как меньшее зло, приобретённый воспитанием) атеизм позволяет мне менять личину — становиться то на одну, то на другую сторону. На стороне жития — исполнение законов этого, с позволения сказать, жанра. Ксения на ступеньках к Неве, под дождём (омывающим, подсказывает житие): с одной стороны — молитвенный лубок, с другой — типичная уличная, городская или деревенская, блаженная, каких немало знает и литература, и жизнь. Сидят они на промокших картонках, одетые тепло, по погоде, так же низко опустив голову и поставив рядом якобы ни к чему не обязывающую мисочку. Ксения и по житию, и по игре не ждёт подаяния. Вечное сидение — пост Ксении, её пожизненный и посмертный наблюдательный пункт. Пьеса Вадима Леванова составлена как собрание житийных клейм на иконе святого — светская часть бытия, страдание, откровение, новая жизнь, испытания, соблазны, искушения, мученичество, служение, возвышение в любви к ближнему, смерть и бессмертие. О литературных свойствах пьесы ничего не скажешь: во-первых, текст сценический и пьеса прямо-таки срослись; во-вторых же, церковно-славянская лексика и загадочные словесные наборы и Ксении, и Марфуши на понимание не рассчитаны. Реплики можно сосчитать, прибавить к ним песнопения, смех, ропот — вот и вся литература. Рамой для образа и лика Ксении служит зеркало Александрин-

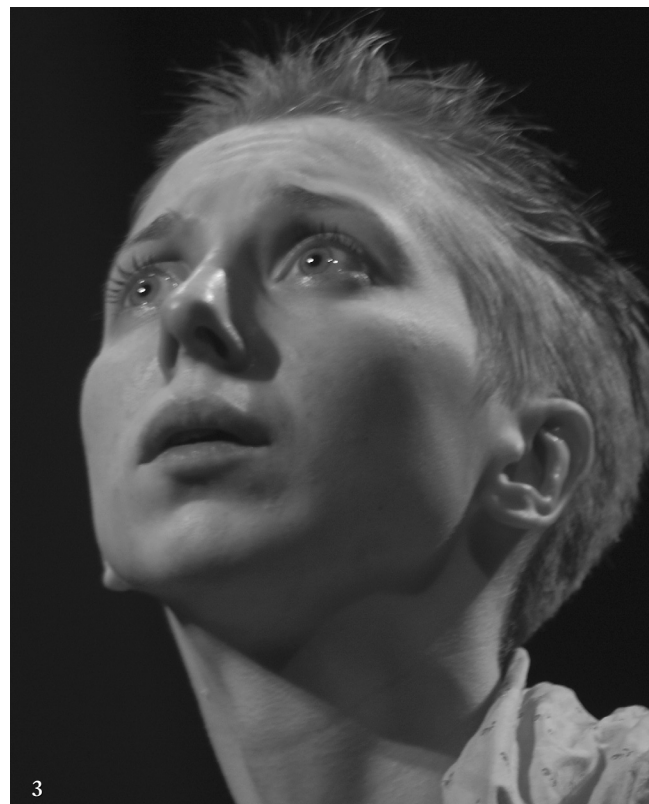
ского театра. Рама получается роскошной, и от ощущения такого непозволительного соседства, как мне кажется, и родилась скупая и строгая декорация. Монохромная, аскетичная и эпически монументальная.

На стороне театра — эстетика плаката, вернее, коллажа из открыток, сменяющих одна другую. Единица коллажа — картинка, выписанная эскизно, но детально. Они следуют одна за другой: картинка-сцена с разудалыми подвыпившими парнями, с нехорошими попом и попадьяй, с детьми, обижающими юродивую; картинка-сцена с бомжами, картинка-сцена с кликушей... В этой же раме александринского зеркала, на авансцене, в основном расположены мизансцены: они двумерные, плоскостные — даже если отодвинуты вглубь.

Спектакль Фокина и в оформлении, и в мизансцене аскетичен — не только по причине рискованного сближения с нетеатральным материалом. Фокин всегда краток в метафоре, таков его почерк. Особенно в петербургский период. Из жития Ксении оставлены лишь некоторые исцеления и пророчества. Всё, что за пределами «сидения», можно прочесть на киноэкране. Стандартный интернетовский текст жития предваряет спектакль, он помещён в программке, он выставлен источником, к которому и надо предъявлять претензии, если они возникают. Картинки-открытки на самой сцене показывают вразнобой страницы русской истории, наиболее ёмкие из неё и из биографии Ксении Григорьевны. Самый выразительный эпизод — очередь в «Кресты». Из многообразной коллекции происшествий с чудесами и явлениями Ксении выделено это, скорее поэтическое, чем житийное: рассказ о появлении в скорбной очереди женщины в зелёной юбке и красной кофте. Рассказ плюс кассандровы вопли Ксении, в сумерках разглядевшей холод, голод, кровь будущего. Это ахматовский, можно сказать, эпизод, в котором поэзия и любовь к ближнему, исходящие из двух женских душ, соединяются в одно оплакивание народа. А народ в «Ксении» — отнюдь не мхатовское брожение индивидуальностей, а, скорее, пушкинское безмолвие. Народ тоже разобран на кар-

тинки. То это легко поддающийся внушению народ-толпа. То народ-турист, прямо из автобуса скопом кидающийся на часовню Ксении, наскоро молящийся, подгоняемый гидом. Народ, ищущий спасения от тягот и немощи, состоит, как видно в спектакле (и это правдиво), по большей части из несчастных женщин. Или народ-прохожий, во всякое время переступающий и обходящий «элементы» дна, к которым он благодушно равнодушен; или народ-соглядатай, собирающийся вокруг места происшествия; или народ — наивный потребитель чудес, благодарный зритель уличного лицедейства; или народ, оглушённый децибелами и треском моторов; или народ в массовом психозе и экзальтации перед какой-нибудь новой Манефой... Черты самобытности и характера, нетерпимого и податливого, возникают в лаконичных эпизодах с народом. Он в спектакле никак не второстепенен и не просто массовка. Это тот народ, который сам придумывает святых, если в них нуждается. Сам смеётся над авторитетами, как смеются и свистят люди вслед убегающему от них попу. Этот народ в то же время смирен и долготерпелив. Стояние народа по сторонам сцены, стояние перед стеной «Крестов», как и сидение Ксении на авансцене, — настройка ритма, статика, разрываемая динамическими сценами. Статика и страсти — тоже из иконописи. Успокоение и порыв — колористические и сюжетные контрасты северных икон. Порыв и успокоение — ритмические контрасты спектакля.

Моя бабушка, Наталья Зиновьевна Каддышкина, называла Богородицу «заступница усердная», и в детстве,

3

4

в юности я часто слышала в её исполнении молитвы с таким обращением. Заступница усердная Ксения — сама посредница между недостижимым верхом и заслуживающим сострадания низом. Трудность восприятия — не говоря уж о сотворении религиозно-театрального опуса — кроется в том, что в театре играют актёры, и никак иначе, нежели игрой, — хотя бы и нравоучительной, или божественно промысляющей, или как-то ещё определённой, — их, актёров, пребывание на сцене назвать нельзя. Если даже допустить (что маловероятно) нетеатральное или сверхтеатральное назначение «Ксении» в Александринке, то и тут не обойти законы и существо театра. Впору вспоминать трагедии об обращении лицедеев прямо на сцене, трагедии, популярные в эпоху европейского барокко. У французского драматурга XVII века Жана Ротру была пьеса под названием «Святой Жене» — об актёре древнеримского, ещё тогда подпольного христианства, который на глазах у императора Диоклетиана слышит голос бога и внемлет ему, чем тут же обрекает себя на мученическую смерть от язычников. Но и это был утончённый театр, а не действительно религиозное обращение.

Итак, в «Ксении» актёры играют, и судить их надобно по меркам театра. Внося коррективы. Ибо сыграть живого человека, блаженную, юродивую, святую и не попасться на этих подковырках — сложно. Требуется особый тип и нестандартная актёрская природа. У Янины Лакобы лицо не иконописное. Живописцу пришлось бы его исправлять к лучшему, добавлять правильность черт и умиротворение взгляда. Для Ксении сценической такая «пластика» не нужна. Янина Лакоба играет живую женщину — и тогда она притягательна, играет пророчицу — и тогда она более банальна. То есть она пугает, но это не страшно. Ласкает — и это тепло. Актрисе не позавидуешь. От Саш и Маш прежнего своего, уже немало для молодой актрисы репертуара, она двинулась к острому рельефу мифологического персонажа. Житие предполагает светскую часть биографии, в «Ксении» она отрезана. Стон горя — вот с чем Ксения является, и уже в следующую минуту она восстаёт в образе земной

глядя на Ксению Янины Лакобы, я невольно задумывалась над этим сходством. И над тем, что народу можно одну веру заменить другой. Потом уговаривать его вернуться к истине. Потом удачно совместить все нужные по сюжину ситуации веры.

Стыдясь такого цинизма, я смотрела спектакль до победного конца. Почему победного? Потому что в итоге было ничто, пустота, тьма, поглотившая и вещунью Ксению, и её грешного Андрея Фёдоровича, и самой Смерть. Ангелы не вострубили. Просто захлопнулась железная створка жалюзи — выход. Или вход. Беззвучное, заключительное ничто вернуло всё на свои места. Стену плача, народ в её проёмы, звонницу и колокола с их робкой музыкой. Насколько правильно я поняла режиссёра, спрашивать у него не стану. Достаточно того, что личное, атеистическое спокойствие с финалом ко мне вернулось, и мне не пришлось сжиматься от мысли, что игра в Ксению затеяна ради злободневного елеса.

Лакоба играет всё-таки с замечательной самоотдачей — ведь ей не нужно двоемыслие посторонних. Она как исполнительница цельна. Её Ксения — образ актёрски зримый и богатый. Её Ксения разная: от тонкой, линейной стройности и хрупкости пролога и финала до полукомической, характерной «квадратуры» середины. Интонации Андрея Фёдоровича из неё выскакивают, как из тюзовской травестишки. Завтрак с пасхальным яйчком сопровождается лукавой улыбкой «в себя». Видение блокадной муки отражается на лице, где дрожат губы и льются слёзы. Стыдливая, разбойная, нежная, грубая, безумная, проницательная — актриса все состояния очерчивает решительно и ясно. Это не святая и не икона. Это Ксения уличная, которую видят избранные, те, кто уж обязательно попадёт в царствие небесное. «Распечатывают» послание Ксении два дуэта — с Катей, нашей Марией Магдалиной (Александра Большакова), и с Марфушей (Светлана Смирнова). В первом — Ксения потрясена, потому что подвиг её во спасение мужа опозорен его изменой. Осквернена и «история любви». Я бы на месте драматурга и режиссёра (прошу прощения) тут смелее раз-

торым, наподобие грязноватой Эсмеральды или Лизаветы Смердящей, пляшет и безостановочно тарыхтит Марфуша. О боженьке, принадлежащем только ей, о невинности своей. Этот монолог на ногах и вприпрыжку, в ловко разыгранном припадке, прибавляет кликуше обаяния. И хотя превосходство Ксении неоспоримо (бог людей любит, а Марфуша не любит — да и за что ей любить их, по правде говоря?), Марфуша заслуживает снисхождения. Марфуша признаёт превосходство соперницы с такой простодушной досадой, так доверчиво припадает к её плечу, так сникает и так откровенно делится горестями прошлого и настоящего, что дискуссия между ней и Ксенией завершается умильным обаянием. Я бы даже сказала, что в этом эпизоде восстанавливается равенство между Ксенией и Марфушей, и оно основано на способности чувствовать нечто райское, возвышенное в душе. Смирнова и Лакоба, как партнёрши, находят общий язык, оставаясь каждая в своём: Ксения в блаженном покое, а Марфуша в перманентной истерике.

История Ксении совмещает времена. Это не такой уж редкий фокус в театре. Охрана из XXI века (бравые парни в чёрном, с кулаками, сложенными на детородном органе), приставлена к безумцу XVIII-го (камзол, расшитый серебром, и парик — небольшая и сильная роль Салтыкова у Сергея Паршина). Тонкость совмещения не в идее сквозного времени, освящённого святостью покровительницы города — это как раз без труда считывается в спектакле. Тонкость в лексике. Парнишка из охраны (Валентин Захаров), имеющий всего несколько реплик, применяет к сумасшедшему барину и «имбецилке», как он пренебрежительно выражается, язык, на котором извечно говорили холопы и невежды. Контекст верный и оглушающе смешной.

О связи времён зрителям в зале напоминает всякий день. Сравнительно недавно кроткий образ Ксении Блаженной вытеснялся реальными фигурами чудотворцев, магов, экстрасенсов. Они, как говорится у Сухова-Кобылина, «брали» за чудеса. Заполонили всё и вся. Им платили и верили. Или, наоборот, верили и платили. Потом их смысла волна наступившего благополучия. Набрала воздуха церковь, и нет дня, когда бы хорошие новости о растущем авторитете её СМИ не доносили до сознания россиян. Начался экономический спад. Снова вспомнили о чудотворцах. О святых. Среди общепотребительных аббревиатур появилась ещё одна: РПЦ.

Последняя сцена спектакля имеет самостоятельное значение. Она как бы о другом, не о локальной юродивой и её заступничестве. Она о человеке из моралите. О человеке перед лицом смерти. В спектакле — перед лицом Смерти с большой буквы (Николай Мартон). Благожелательного, по-отцовски доброго и уверенного, но ничего не договаривающего до конца элегантногосподина в чёрных очках, цилиндре и стростью. Ксения, — скинув с себя одежду мужа, вернув её Андрею Фёдоровичу (Дмитрий Лысенков), который посетил её напоследок, выпущенный из преддверья, — Ксения стала вновь той же худенькой и юной женщиной. Последнее переодевание — жест режиссуры во имя nihil, ничего. Ксения снова ничего не знает, её разум и душа снова невинны, а дары предвиденья остались для той, уличной, мифологической, канонизированной, юродивой Ксении. Та Ксения отмолила и спасла человека, умершего без отходной молитвы. Заметим: канонизирована она в ту самую пору, когда на Россию шёл вал чудотворцев, в 1988 году. Не раньше — ни в XVIII, ни в XIX веке. Разоблачение — в прямом и переносном смысле — главной (заглавной) героини спектакля становится канонизацией другого рода. Новая сценическая Ксения крещена тайной бытия, и могла бы спросить у себя — «быть или не быть?» Но, послушная и доверчивая, она задаёт другие вопросы и отважно идёт вслед за Смертью.

ЕЛЕНА ГОРБУНКЕЛЬ

заместительницы умершего супруга, в его мундире придворного певчего и мужских башмаках. Янина Лакоба в лучших местах роли напомнила мне уже бытовавшую в нашем искусстве юродивую. Правда, в совершенно другом контексте. Это Таня Тёткина в исполнении молодой Инны Чуриковой. Помешанная на революционных идеалах, любившая и не вышедшая замуж, познавшая муки и заступившаяся за товарищей по вере, в жертву себя отдавшая, Таня Тёткина, художница и бродяжка из фильма Глеба Панфилова «В огне брода нет» похожа на Ксению из спектакля Фокина. Похожа внешне — такой же испуганный взгляд круглых глаз, такая же неожиданная милая улыбка на простом, чуть ли не некрасивом лице. Похожа и силой духа в слабом женском теле, и подростковыми повадками, и неуклюжими мужскими ботинками с их шарканьем, и, главное, самоотречением. А до Тани была Джельсомина в «Дороге» Федерико Феллини, умственно отсталая и добрая циркачка-скиталица. А до Джельсомины была Жанна д'Арк, которую сначала считали деревенской дурочкой, а потом объявили святой. Такой она показана кинорежиссёром Карлом Теодором Дрейером в фильме «Страсти Жанны д'Арк». В театре тоже найдутся предшественницы — Комиссаржевская, сыгравшая сестру Беатрисы, Людмила Питоева, несколько раз становившаяся Жанной д'Арк... Словом, у нашей сценической и мифологической Ксении довольно родственных душ. Ближе всех «красная» юродивая. Аргументы от противного — соображения историко-политические, идеологические — в расчёт брать не будем. Ксения Лакобы, как и Таня Чуриковой, — миссионерка. Несмотря на разность жизненных историй, обе скинули с себя обиденность, как старую одежду. В судьбе Ксении значим момент превращения любви земной в любовь небесную. А Таня своего рода небесную долю разбавила земными страстями, впрочем, наивными до святости. Как человек, уважающий веру верующих, я не хотела бы, чтобы божественное откровение приравнивалось к идейному помешательству. Но, признаюсь,

вернула образ Ксении. Всё-таки её любовь была реальной. У Лакобы потрясение переходит — медленно, но верно — в прощение. Очень по-житийному выглядят долгие вопросительные взгляды Ксении. Эпизод с утешением Катерины сложен и, признаюсь, маловразумителен. Может быть, потому, что в него вторглась эротика. Но экстаза святой Терезы не вышло, осталась зятанутая и вялая, несмотря на усилия актрис, сцена.

Второй дуэт успешней. Забавная, кукольная кликуша в исполнении Светланы Смирновой является со свитой. Свита из чёрных бабок с иконой, как со щитом, перед ко-

1. Джульетта Мазина в фильме Федерико Феллини «Дорога». 1954
2. Рене Фальконетти в фильме Карла Теодора Дрейера «Страсти Жанны д'Арк». 1927
3. Янина Лакоба (Ксения)
4. Декорация к спектаклю. Художник — Александр Боровский
5. Инна Чурикова (Таня Тёткина) и Михаил Кононов (Алёша Семёнов) в фильме Глеба Панфилова «В огне брода нет». 1967
6. Янина Лакоба (Ксения) и Игорь Волков (Инвалид)
7. Янина Лакоба (Ксения) и Светлана Смирнова (Марфуша)